

УДК 94(357)

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-1-20-28

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ШАПУРА II**DOMESTIC POLICY OF SHAPUR II****В.А. Дмитриев**
V.A. DmitrievПсковский государственный университет
Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, 2Pskov State University
2 Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia

E-mail: dva_psk@mail.ru

Аннотация

В существующей историографии Шапур II Великий (309–379) воспринимается почти исключительно как царь-завоеватель, всё правление которого прошло в войнах с соседними странами и народами. В значительной степени это так, но совершенно очевидно и то, что столь высокий уровень внешней активности Ирана в годы правления Шапура II был бы невозможен без создания стабильно функционирующей административно-политической системы внутри страны. В связи с этим в статье рассматриваются основные направления и результаты внутривнутриполитической деятельности Шапура II. С формальной точки зрения Шапур действовал в том же русле, что и его предшественники, сохраняя сложившуюся за столетие, истекшее с момента возникновения сасанидского Ирана, систему органов власти. Однако государственная идеология и религия подверглись в данный период весьма глубоким изменениям. В результате сасанидский Иран превратился в централизованное государство с сильной царской властью, что стало ключевым условием возобновления при Шапуре Великом широкой внешней экспансии, в ходе которой сасанидский Иран окончательно закрепил за собой статус одной из ведущих мировых держав эпохи Поздней античности.

Abstract

In the existing historiography, Sasanian shahanshah Shapur II the Great (309–379) is considered almost exclusively as a conqueror, whose entire reign passed in wars with neighboring countries and peoples. To a large extent, it is true, but it is also quite obvious that such a high level of Sasanians' external activity during the reign of Shapur II would not have been possible without the establishment of a stable and effective administrative and political system within the Iran itself. In this regard, the article examines the main directions and results of the internal policy of Shapur II. From a formal point of view, Shapur acted in the same way as his predecessors, preserving the system of government that has developed over the century, which has elapsed since the emergence of Sasanian Iran. However, the state ideology and religion have undergone very profound changes during Shapur's reign. As a result, Sasanid's realm became a highly centralized empire with a strong shahanshah's power, and this circumstance was an essential condition for the renewal of wide expansion under Shapur the Great, during which Sasanian Iran finally secured the status of one of the leading powers in the world of Late Antiquity.

Ключевые слова: сасанидский Иран, Шапур II, внутренняя политика, государственная идеология, религия, зороастризм, гонения, Кайаниды, Адурбад Махраспанд.

Keywords: Sasanian Iran, Šāpur II, domestic policy, state ideology, religion, Zoroastrianism, persecutions, Kayanids, Ādurbād-ī Mahrspandān.

Шапур II Великий (309–379) является одним из наиболее значительных правителей не только сасанидского, но и вообще древнего Ирана. В силу специфики источниковой базы, в которой отразились, в первую очередь, события внешнеполитической истории этого

периода, Шапур известен нам преимущественно как царь-завоеватель, все правление которого прошло в нескончаемых войнах на южном (с арабами), западном (с римлянами), северном (с армянами) и восточном (с кушаншахами, хионитами и кидаритами) направлениях, т. е. буквально по всему периметру границ Сасанидской державы. В связи с этим военно-политические аспекты его деятельности исследованы весьма глубоко и всесторонне.

При этом совершенно очевидно, что столь высокий уровень военной активности Ирана в годы правления Шапура II (а речь идет о временном отрезке продолжительностью в 70 лет) был бы невозможен без стабилизации политической обстановки внутри страны, поскольку в период, предшествовавший вступлению этого шаханшаха на трон (273–309), государство Сасанидов сотрясали междоусобные войны, заговоры знати, восстания наместников и т. д. [см.: Луконин, 1969; Луконин, 1979; Луконин, 1987], и лишь преодоление всех этих кризисных явлений могло позволить Ирану проводить столь активную внешнюю политику. Однако в существующих источниках внутривластная деятельность Шапура II отражена крайне фрагментарно и вплоть до настоящего времени так и не получила специального рассмотрения в историографии. В связи с этим настоящая работа представляет собой попытку комплексного анализа основных направлений и результатов внутренней политики Шапура II с акцентом на ее идеологическую и религиозную составляющие.

К сожалению, применительно к эпохе правления Шапура II мы, в отличие от III в., не располагаем информативными письменными источниками, позволяющими составить более или менее полное представление о высшей придворной знати, системе управления Персидским царством, его административно-территориальном делении и т. д., поскольку текстов, подобных пространственным надписям Шапура I на Каабе Зороастра и Нарсе в Пайкули, Шапур II не оставил. В связи с этим сведения о внутренней истории сасанидского Ирана в годы его правления в большинстве случаев мы вынуждены извлекать либо из источников неиранского, в основном – западного происхождения (прежде всего, сочинений римско-византийских и армянских авторов), либо из памятников позднейшей арабско-персидской исторической литературы. В некоторых случаях на помощь приходят археологические, нумизматические, эпиграфические и некоторые другие данные.

Что касается государственного аппарата сасанидского Ирана, то мы можем констатировать, что при Шапуре II сохранились многие из должностей, существовавших в предыдущий период. Так, источники упоминают о *бидахше* (Amm. Marc. XXIII.6.14)¹, *хазаруфте* [Фавст Бузанд, 1953]², *церемониймейстере* [Фавст Бузанд, 1953; Хуршудян, 2015], *шахрабе* (Pers. I), что согласуется с утверждением Табари, согласно которому «визири и писцы сохранили должности, которые они занимали во время правления его [Шапура II. – В.Д.] отца» (Tabari. 836). Прежним влиянием пользовались знатные роды, возвысившиеся еще в парфянскую эпоху. Так, Аммиан Марцеллин неоднократно упоминает о персидском военачальнике из рода Суренов (*Surena*) (Amm. Marc. XXIV.2.4; 3.11; 4.7; 7.12; XXV.7.5; XXX.2.5, 7), которого историк дважды называет вторым человеком в Персии после царя (Amm. Marc. XXIV.2.4; XXX.2.5), а также о представителе парфянского клана Михранов (Аммиан называет его Мереной (*Merena*)) (Amm. Marc. XXV.1.11; 3.13), командовавшем частью сасанидской армии.

Отдельного внимания заслуживает встречающееся в сочинении того же Аммиана Марцеллина слово «*Ногодарес*» (*Nohodares*), употребляемое историком в качестве личного имени одного из вельмож Шапура II (Amm. Marc. XIV.3.1 – 2). «*Ногодарес*» Аммиана – это не кто иной, как *нахвадар* (пехл. *naxwadār*), высокопоставленный чиновник, хорошо из-

¹ Аммиан сообщает, что *бидахши* были также командирами конницы (*vitaxae id est magistri equitum*). Трудно сказать, чем при этом руководствовался историк. Возможно, прав был Т. Моммзен, объяснявший это тем, что «*витаксы*», как и римские провинциальные наместники, соединяли в своих руках и гражданскую, и военную власть, а войско персов было в основном конным [Mommson, 1885]. См. также: [Хуршудян, 2015; Dmitriev, 2008].

² Если в имени «*Азаравухт*», упоминаемом Фавстом, видеть название должности хазаруфта.

вестный по парфянским источникам, однако в памятниках сасанидской эпохи его наименование практически не встречается. В царстве Аршакидов нахвадар имел тот же статус, что и шахраб (сатрап), но если шахрабы управляли южными областями, то нахвадары – северными [Периханян, 1956; Дьяконов, 1961]. Упоминание о нахвадаре в сочинении Аммиана позволяет сделать вывод о том, что эта должность (вероятно, с теми же или схожими функциями) существовала и в сасанидском Иране. Следует также заметить, что от термина *naxwadār* ведет свое происхождение понятие «нахарар», часто встречающееся в армянских источниках и имевшее сходное значение со своим прототипом [Henning, 1953; Периханян, 1956; Дьяконов, 1961; Хуршудян, 2011].

Таким образом, с точки зрения существовавшей в период его правления комбинации центральных органов государственной власти Шапур II действовал, скорее, как традиционалист, не стремившийся вносить в сложившуюся государственно-административную систему каких-либо серьезных изменений.

Однако структура политической системы и ее содержательное наполнение – не одно и то же. При одних и тех же органах управления характер государственной власти, в зависимости от тех или иных факторов, может сильно варьироваться. И в этой связи следует отметить, что в период правления Шапура II в сасанидском Иране наблюдалось усиление могущества шаханшаха. Внешним проявлением данной тенденции является то, что при Шапуре вновь начинают строиться новые или перестраиваться старые «царские» города. Им были основаны Эран-Шапур («Иран Шапура») и Эран-Хварра-Шапур («Иран – слава Шапура») в Хузистане, Вазург-Шапур («Великий Шапур») в Средней Месопотамии и, возможно, ряд других городов [Daryaei, 2009].

Но еще более важные процессы, свидетельствующие о дальнейшей эволюции института сасанидской монархии, происходили в сфере государственной идеологии и презентации как власти, так и самой личности шаханшаха. Так, при Шапуре II намечается изменение титула персидских правителей: прежняя формула – «поклоняющийся Ормазду царь царей Ирана и не Ирана, происходящий от богов» – постепенно выходит из употребления, и ее место занимает обозначение шаханшахов как Кайанидов – потомков легендарных авестийских царей, носивших титул *кави* и правивших в Иране в глубокой древности. Шапур II стал первым из Сасанидов, кто назвал себя *кави* [Daryaei, 1995]. Завершится эта трансформация несколько позже, в годы правления Йездигерда II (439–457), который уже официально будет именовать себя «поклоняющимся Ормазду, государем, Кайанидом» [Daryaei, 2012].

Кроме того, с эпохи Шапура II важнейшим концептом в области позиционирования царской власти становится зороастрийское понятие «хварра́» (ср.-перс. *xwarrah*) (другие варианты названия: фарр, фарн, хварна, хварно, хварена), обозначавшее сакральную сущность царской власти, могущества, победы, удачи, славы. Периодически оно использовалось еще при первых Сасанидах (достаточно вспомнить название одного из основанных Ардаширом Папаканом городов – Ардашир-Хварра¹), однако в систему эта практика стала входить при Шапуре II. Одним из воплощений хварры являлся баран; именно в такой ипостаси хварра сопутствовала основателю династии Ардаширу Папакану в его борьбе с Аршакидами [Чунакова, 198]². Сообщение Аммиана Марцеллина о том, что в 359 г. под стенами Амиды Шапур носил шлем, украшенный усыпанными драгоценностями рогами барана (Amm. Marc. XIX.1.3) [Дмитриев, 2012; Дмитриев, 2013; Dmitriev, 2017; Maksymiuk, 2018], а также закрепление в официальном сасанидском искусстве начиная с эпохи правления шаханшаха Шапура II изображения хварры в облике барана или его атрибута в виде бараньих рогов [Луконин, 1969] указывают на активное использование концепта «хварра»

¹ Понятие «хварра» встречается также в надписи Нарсе в Пайкули в словосочетании *Narseh-ī Abzūd-xwarrah* (NPI. 56), т. е. «Нарсе, чья хварра приумножается».

² К этому следует добавить, что первая редакция основного из известных нам среднеперсидских источников, повествующих о хварре в образе барана, сопровождавшего Ардашира I в начале его политической карьеры – «Книги деяний Арташира, сына Папака», – была создана именно при Шапуре II [Чунакова, 1980].

в политико-идеологических целях уже в 350-х гг. С этой точки зрения правление Шапура II было ознаменовано явлением, которое Т. Дарьяи метко охарактеризовал как «зороастризация памяти» [Daryaei, 2006], т. е., растворением исторической реальности в зороастрийской картине мира. Если до этого времени в Иране, возможно, еще сохранялись какие-то смутные воспоминания о реально происходивших в древности событиях, правивших когда-то царях и т. д., то теперь все это было стерто из исторической памяти персов. Отныне они знали только одних истинных царей эпохи древности – Кайанидов, и только одну настоящую древнюю историю – ту, что была изложена в Авесте и других зороастрийских сочинениях¹.

Тем самым было положено начало формированию новой (т. е., прямо говоря, фальшивой) генеалогии Сасанидов, вписавшей шаханшахов в сакральную историю Ирана и сделавшей их не происходящими от имевшего темное прошлое «владельца» (т. е. даже не являвшегося царем) Сасана, а обладающими хваррой потомками кави – вполне конкретных и, с точки зрения зороастрийцев, реально существовавших великих правителей древности, покровительствовавших Заратуштре и защищавших Иран от «неверных»². Вопрос о легитимности династии Сасанидов был окончательно решен. Вероятно, именно с этим следует связывать исчезновение, начиная с ближайших преемников Шапура II и вплоть до Хосрова II (591–628), т. е. более чем на два столетия, практики создания монументальных царских рельефов и надписей – Сасаниды больше не чувствовали себя узурпаторами и не нуждались в обосновании своих прав на иранский престол путем пропаганды своего величия с помощью грандиозных рельефных композиций и эпиграфических прокламаций³.

Очевидно, что такого рода метаморфозы могли произойти только в сочетании с изменениями в религиозной сфере, поскольку, как известно, в эпохи древности и средневековья идеология была неотделима от религии. И действительно, период правления Шапура II отмечен активной деятельностью придворного жреца Адурбада Махраспанда и значительными подвижками в области отношений между церковью и государством. Как повествует зороастрийская «Книга о праведном Виразе», после вторжения в Иран «злого, несчастного, отступившего от веры, нечестивого, злобного» Александра Македонского, который «отобрал и

¹ Вообще возникает ощущение, что до Шапура II правители «Ирана и не Ирана» испытывали, условно говоря, определенные трудности с самоидентификацией и находились в постоянном поиске своих небесных покровителей. Выше мы не раз отмечали, как на протяжении III в. симпатии Сасанидов смещались то на Анахид (Ардашир I и Шапур I), то на Ормазда (от Ормизда I до Варахрана II), то вновь на Анахид (Нарсе и, возможно, Ормизд II), и все это – на фоне содержащейся в титуле шаханшахов декларации о том, что они, кроме всего прочего, ведут свой род от богов (йазатов). Это, конечно же, не означает, что после Шапура Великого искания в этой сфере окончательно прекратились – изменения в области религиозного обоснования царской власти будут продолжаться и дальше, на всем протяжении последующей истории сасанидского Ирана. Но все это будет происходить в рамках парадигмы, основы которой были заложены в годы правления Шапура II.

² Об историчности авестийских кави см.: [Пьянков, 2001].

³ Из явлений того же порядка следует отметить частое размещение рельефов и надписей вблизи аналогичных памятников древности (в частности, это касается Накш-и Рустама) [Сапера, 2013]. О создателях этих монументов, Ахеменидах, Сасаниды, вероятнее всего, мало что знали, но древность и грандиозность ахеменидских рельефов и сооружений для первых царей новой династии были, судя по всему, очень притягательны. Создавая свои рельефные композиции рядом с ахеменидскими, первые шаханшахи таким образом настойчиво позиционировали себя в качестве полноправных наследников древних правителей Ирана. При этом показательно, что в царской титулатуре и других официальных текстах данный сюжет тщательно обходился вниманием, и самым далеким предком, о котором говорится в такого рода источниках, является Сасан, именуемый, однако, не царем, а просто «владыкой» (т. е. владельцем какой-то небольшой области), к тому же живший, по историческим меркам, не так давно, всего лишь какие-нибудь три-четыре поколения назад. Для того, чтобы чувствовать себя на троне уверенно, Сасанидам этого было явно недостаточно – в древнюю и средневековую эпохи древность происхождения династии являлась важнейшим аргументом в обосновании ее легитимности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, официальное провозглашение Кайанидов предками Сасанидов позволяло решить крайне важную (причем, как мы видим, не только с чисто генеалогической точки зрения) проблему.

сжег священное писание, ... убил многих жрецов и судей, хербедов и мобедов, приверженцев веры, умелых и мудрых людей» [Чунакова, 2001], в стране царили «разногласия и споры, и, поскольку у них не было господина, правителя, повелителя или жреца, осведомленного в вере, они начали сомневаться в деяниях богов, и в мире возникло много разных учений, верований, лжеучений, сомнений и разногласий» [Чунакова, 2001]. Все это продолжалось до тех пор, «пока не родился благословенный Адурбад, сын Мараспанда, с бессмертной душой, который претерпел ордалию¹ во имя веры: расплавленная медь была вылита ему на грудь, и он выдержал несколько судов и свершил правосудие над неверными и еретиками» [Чунакова, 2001] (ср. с описанием этой сцены в «Бундахишне»: «...Когда лили расплавленный металл на его [Адурбада. – В.Д.] чистое тело и сердце, ему это было приятно, как если бы на него лили молоко. А если металл льют на тело и сердце лжецов и грешников, они сгорают и умирают» [Чунакова, 1997]).

Адурбад прославился, прежде всего, как автор многочисленных духовных наставлений, систематизатор зороастрийского вероучения и кодификатор Авесты [Луконин, 1969; Tafazzoli, 1983; Frye, 1984; Daryaei, 2009]. Исходя из того, что в некоторых источниках Адурбад Махраспанд назван верховным мобедом (ср.-перс. *mōwbadān mōwbad*, букв. «мобед мобедов»), можно сделать вывод, что в результате его деятельности в сасанидском Иране сложилась иерархически выстроенная зороастрийская церковная организация [Daryaei, 2009], а жречество оформилось в некую самостоятельную корпорацию (применительно к IV в. называть ее сословием кажется преждевременным²), главой которой являлся верховный жрец – мобедан мобед.

На структуре зороастрийского пантеона и степени почитаемости тех или иных богов мероприятия Шапура II и Адурбада, судя по всему, не сказались. Так, известно о том, что Шапур основал храм огня в честь богини Анахид [Duchesne-Guillemin, 1983], а на его инвентурном рельефе в Так-и Бустане одновременно присутствуют изображения сразу двух богов – Ормазда и Митры [Vanden Berghe, 1983]. Иначе говоря, явного предпочтения какому-то одному из небожителей Шапура II, в отличие от некоторых из своих предшественников, не отдавал. Следует заметить, что на рельефах Шапура мы не видим Адурбада, в то время как Кердир регулярно появлялся на царских рельефах наряду с шаханшахом и членами его семьи. Несомненно, что в этом проявилось более осторожное по сравнению, прежде всего, с Варахшаном II отношение Шапура к своему верховному жрецу.

Каких-либо деталей, связанных с жизнью и деятельностью Адурбада Махраспанда, не сохранилось. Однако поскольку в позднейшее время, как видно из процитированных текстов, он считался одним из выдающихся духовных лидеров зороастризма, а его имя, в отличие от религиозного деятеля второй половины III в. Кердира, не было предано забвению, сам собой напрашивается вывод о том, что Адурбад действовал не в ущерб государству и власти шаханшаха, а в сотрудничестве с ними. Свою роль в том, что мероприятия Адурбада прижились в сасанидском Иране, а сам он не был, подобно Кердиру, предан проклятию, наверняка сыграло и наличие у мобедан мобеда чувства меры и трезвого расчета: дабы не рисковать своим положением, а то и жизнью, он, по всей видимости, не вмешивался в политику, а в религиозной сфере большее внимание уделял этической стороне зороастрийского вероучения, нежели догматическим вопросам [Frye, 1962; Duchesne-Guillemin, 1983].

Следует также отметить, что, по мнению ряда исследователей, при Шапуре II и Адурбаде Махраспанде в официальной церкви возобладал зурванизм – течение, носившее, предположительно, еретический характер [Zaehner, 1955; Boyce, 1957; Boyce, 1979; Boyce, 1996] и отличительной чертой которого было смягчение свойственной классической зороастрийской доктрине дуализма с явным уклоном в сторону монизма. Согласно зурванитской мифологии, Ормазд и Ахриман существовали не изначально, а были порождены Зурваном – богом времени и судьбы. Косвенным подтверждением приверженности Ша-

¹ Т. е. физическое испытание, ставящее своей целью доказать правоту подвергаемого ему человека.

² См., однако: [Колесников, 2012].

пура II зурванизму является тот факт, что его дочь носила имя Зурвандухт (букв. «дочь Зурвана») [Justi, 1895; Воусе, 1979]. Впрочем, вполне возможно, что зурванизм являлся не ересью, а лишь одним из течений внутри вполне ортодоксального зороастризма [Frye, 1959; Frye, 1962].

Наиболее же известным мероприятием Шапура II в религиозной сфере (вероятно, связанным с деятельностью Адурбада Махраспанда по созданию мощной и сплоченной зороастрийской церкви, что автоматически означало наступление на права других конфессий) стала организация беспрецедентных по своему размаху и жестокости антихристианских гонений, длившихся с 340 по 379 гг. и превзошедших даже те, что были организованы при «мобеде Ормазда» Кердире. Непосредственным толчком к этому послужило превращение христианства в государственную религию Римской империи, произошедшее в годы правления Константина Великого, в связи с чем христиане стали восприниматься в Иране как «пятая колонна», представляющая угрозу безопасности государства [Wiesehöfer, 2001; Patterson, 2017].

Начало гонениям было положено серией царских указов, в соответствии с которыми последователи христианского вероучения подвергались увеличенному налогообложению¹, а их храмы закрывались и разрушались. Вслед за этим сасанидские власти развернули полномасштабные преследования христиан. По словам Созомена, «Сапор сперва обременил христиан неумеренными податями, поколику знал, что многие из них отличаются нелюбостыжательностью, и собрание податей поручил людям грубым, чтобы недостатком в деньгах и жестокостью сборщиков христиане вынуждены были оставить свое богопочтение, чего он сильно домогался. Потом приказал он священников и служителей Божиих обезглавливать, церкви разрушать, имущество конфисковать» (Soz. II.9) [Колесников, 2006; Воусе, 1979].

Гонения, с разной степенью интенсивности, продолжались до самой смерти шаханшаха. При этом показательно, что наиболее массовый характер они приняли в западных [Pourshariati, 2008], т. е. расположенных в непосредственной близости от границы с Римом, областях Ирана. Вероятно, это объясняется не только сосредоточением здесь основной массы персидских христиан [Колесников, 2012], но и соображениями военного характера. Точными данными о численности пострадавших мы не располагаем. «Говорят, – пишет церковный историк V в. Созомен, – что тогда сделались мучениками до шестидцати² тысяч мужчин и женщин, известных по именам, а не поименованным и числа нет» (Soz. II.14). Насколько эти цифры близки к истине – неизвестно, однако и в годы правления самого Шапура II, и в последующий период в Иране по-прежнему проживало большое количество христиан.

Интересно сопоставить церковно-религиозные мероприятия Шапура II – с точки зрения их логики и смысла – с теми, что проводились его современниками на Западе, римскими императорами Константином Великим и Констанцием II. Показательно, что в обоих случаях мы видим стремление государства в лице монарха-самодержца покончить с «нестроениями» в духовной сфере, унифицировать официальную религиозную доктрину путем ее очищения от ересей и систематизации обрядовой и богослужебной жизни. Подобное сходство можно рассматривать как аргумент в пользу дебатлируемого в настоящее время тезиса о принадлежности сасанидского Ирана, как и Поздней Римской империи, к государствам позднеантичного типа [Morony, 2008; Pourshariati, 2013]. Единственное принципиальное различие между деятельностью императоров и шаханшаха заключается, пожалуй, в том, что столь широких гонений против своих идейных противников (язычников) в Римской империи в IV в. не проводилось.

¹ Р. Пэйн полагает, что стремление включить «епископов и других христианских религиозных авторитетов» в число налогоплательщиков и вызванное этим сопротивление со стороны христианских общин стали основной причиной преследований христиан [Rayne, 2015].

² В русском переводе «Церковной истории» Созомена здесь допущена ошибка: вместо «шестидцати» указано «шестидесяти».

Таким образом, подводя итог внутривосточной деятельности Шапура II, можно говорить о том, что с внешней, формальной точки зрения этот шаханшах действовал в том же русле, что и его предшественники, сохраняя сложившуюся за столетие, истекшее с момента возникновения сасанидского Ирана, систему органов власти, доставшуюся сасанидскому Ирану, в свою очередь, от Парфии. Однако государственная идеология и религия, т. е. те сферы общественной жизни, от которых напрямую зависит восприятие населением существующих властных институтов и проводимых ими мероприятий, подверглись в данный период весьма глубоким изменениям. Их результатом стало то, что при Шапуре II сасанидский Иран превратился в централизованное – насколько это было возможно в данных конкретно-исторических условиях – государство с сильной царской властью, возможно даже, самой сильной за всю историю Сасанидской державы. Трудно сказать однозначно, можно ли считать Шапура абсолютным монархом, или, учитывая специфику региона, восточным деспотом – у нас слишком мало информации, чтобы судить об этом наверняка. Но то, что на годы его правления приходится очередной период могущества шаханшахов, не вызывает сомнений. Именно это обстоятельство стало ключевым условием возобновления Шапуром II широкой внешней экспансии, в ходе которой сасанидский Иран окончательно закрепил за собой статус одной из ведущих мировых держав эпохи Поздней античности.

Список литературы

References

1. Дмитриев В.А. 2008. Сасанидское государство в известиях римского историка Аммиана Марцеллина. Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки», 3: 12–23.
Dmitriev V.A. 2008. Sasanidskoe gosudarstvo v izvestiyah rimskogo istorika Ammiana Marcellina. Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogicheskie nauki», 3: 12–23. (in Russian)
2. Дмитриев В.А. 2012. Роба барана и крылья сокола: к вопросу о религиозной символике в оформлении царских корон Сасанидов. Проблемы истории, филологии, культуры, 1 (35): 144–152.
Dmitriev V.A. 2012. Roga barana i kryl'ya sokola: k voprosu o religioznoj simbolike v oformlenii carskih koron Sasanidov. Problemy istorii, filologii, kul'tury, 1 (35): 144–152. (in Russian)
3. Дмитриев В.А. 2013. Роба Амона, культ быка и фарр Кеянидов (еще раз к вопросу о царских коронах Сасанидов). Проблемы истории, филологии, культуры, 3 (41): 64–79.
Dmitriev V.A. 2013. Roga Amona, kul't byka i farr Keyanidov (eshche raz k voprosu o carskih koronah Sasanidov). Problemy istorii, filologii, kul'tury, 3 (41): 64–79. (in Russian)
4. Дьяконов М.М. 1961. Очерк истории Древнего Ирана. М., Восточная литература, 444.
Diakonov M.M. 1961. Ocherk istorii drevnego Irana. M., Vostochnaya literatura, 444. (in Russian)
5. Колесников А.И. 2006. Гонения на христиан в доисламском Иране. В кн.: Православная энциклопедия. Т. 12. М., Православная энциклопедия: 49–50.
Kolesnikov A.I. 2006. Goneniya na hristian v doislamskom Irane. V kn.: Pravoslavnaya enciklopediya. T. 12. M., Pravoslavnaya enciklopediya: 49–50. (in Russian)
6. Колесников А.И. 2012. Сасанидский Иран: История и культура. СПб., Нестор-История, 520.
Kolesnikov A.I. 2012. Sasanidskiy Iran: Istoria i kul'tura. SPb., Nestor-Istoria, 520. (in Russian)
7. Луконин В.Г. 1969. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., Наука, 244.
Lukonin V.G. 1969. Kul'tura sasanidskogo Irana. Iran v III–V vv. Ocherki po istorii kul'tury. M., Nauka, 244. (in Russian)
8. Луконин В.Г. 1979. Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., Наука, 176.
Lukonin V.G. 1979. Iran v III veke. Novye materialy i opyt istoricheskoy rekonstruktsii. M., Nauka, 176. (in Russian)
9. Луконин В.Г. 1987. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М., Наука, 296.
Lukonin V.G. 1987. Drevniy i rannesrednevekovyy Iran. Ocherki istorii kul'tury. M., Nauka, 296. (in Russian)
10. Периханян А.Г. 1956. Древнеармянские востаники. Вестник древней истории, 2: 4–58.

Perihanyan A.G. 1956. Drevnearmyanskie vostaniki. Vestnik drevnej istorii, 2: 4–58. (in Russian)

11. Пьянков И.В. 2001. Древнейшие государственные образования Средней Азии (опыт исторической реконструкции). В кн.: Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Б.А. Литвинского. М., Восточная литература: 334–348.

P'yankov I.V. 2001. Drevnejshie gosudarstvennye obrazovaniya Srednej Azii (opyt istoricheskoy rekonstrukcii). V kn.: Drevnie civilizacii Evrazii. Istoriya i kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 75-letiyu B.A. Litvinskogo. M., Vostochnaya literatura: 334–348. (in Russian)

12. Фавст Бузанд. 1953. История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворгяна. Ереван, АН Армянской ССР, 239.

Faustus of Byzantium. 1953. Istoriya Armenii Favstosa Buzanda. Per. s drevnearm. i komment. M.A. Gevorgyana. Erevan, AN Armyanskoj SSR, 239. (in Russian)

13. Хуршудян Э.Ш. 2015. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана. III в. до н.э. – VII в. н.э. Алматы, Институт азиатских исследований, 400.

Hurshudyan E.Sh. 2015. Gosudarstvennye instituty parfyanskogo i sasanidskogo Irana. III v. do n.e. – VII v. n.e. Almaty, Institut aziatskih issledovanij, 400. (in Russian)

14. Чунакова О.М. 1980. Отголоски «Деяний Ардашира Папакана» в древнеармянской литературе. Историко-филологический журнал, 4: 196–207.

Chunakova O.M. 1980. Otgoloski «Deyanij Ardashira Papakana» v drevnearmyanskoj literature. Istoriko-filologicheskij zhurnal, 4: 196–207. (in Russian)

15. Чунакова О.М. 1987. Книга Деяний Ардашира сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперс., введ., коммент. и глоссарий О.М. Чунаковой. М., Наука, 163.

Chunakova O.M. 1987. Kniga Deyanij Ardashira syna Papaka. Transkriptsiya teksta, per. so srednepers., vved., komment. i glossarij O.M. Chunakovoy. M., Nauka, 163. (in Russian)

16. Чунакова О.М. 1997. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М. Чунаковой. М., Восточная литература, 352.

Chunakova O.M. 1997. Zoroastriyskie teksty. Suzhdeniya Dukha razuma (Dadestan-i menog-i khrad). Sotvorenje osnovy (Bundakhishn) i drugie teksty. Izdanie podgotovleno O.M. Chunakovoy. M., Vostochnaya literatura, 352. (in Russian)

17. Чунакова О.М. 2001. Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О.М. Чунаковой. М., Восточная литература, 206.

Chunakova O.M. 2001. Pekhleviyskaya Bozhestvennaya komediya. Kniga o pravednom Viraze (Arda Viraz namag) i drugie teksty. Vved., transliteratsiya pekhleviyskikh tekstov, per. i komment. O.M. Chunakovoy. M., Vostochnaya literatura, 206. (in Russian)

18. Boyce M. 1957. Some reflections on Zurvanism. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 19 (2): 304–316.

19. Boyce M. 1979. Zoroastrians. Their religious beliefs and practices, London; Boston; Henley, Routledge & Kegan Paul, 252.

20. Boyce M. 1996. On the orthodoxy of Sasanian Zoroastrianism. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 59 (1): 11–28.

21. Canepa M.P. 2013. Building a new vision of the past in the Sasanian Empire: The sanctuaries of Kayānsih and the Great Fires of Iran. Journal of Persianate Studies, 6 (1/2): 64–90.

22. Daryaei T. 1995. National history or Keyanid history? The nature of Sasanid Zoroastrian historiography. Iranian Studies, 28 (3/4): 136.

23. Daryaei T. 2006. The construction of the past in Late Antique Persia. Historia, 55 (4): 493–503.

24. Daryaei T. 2009. Šāpur II. Encyclopaedia Iranica. Online edition. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/shapur-ii> (accessed 24 August 2017).

25. Daryaei T. 2012. Yazdegerd II. Encyclopaedia Iranica. Online edition. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/yazdgerd-ii> (accessed 19 October 2012).

26. Dmitriev V. 2017. Ram's horns as a religious element of Sasanian kings' military equipment (notes to Amm. Marc. XIX.1.3). In: Crowns, hats, turbans and helmets. The headgear in Iranian history. Vol. 1. Pre-Islamic period. Siedlce; Tehran, Siedlce University of Natural Sciences and Humanities: 113–120.

27. Duchesne-Guillemin J. 1983. Zoroastrian religion. In: Cambridge History of Iran. Vol. 3. Pt. 2. The Seleucid, Parthian and Sasanian periods. Cambridge etc., Cambridge University Press: 866–908.

28. Frye R.N. 1959. Zurvanism again. The Harvard Theological Review, 52 (2): 63–73.

29. Frye R.N. 1962. *The heritage of Persia*. London, Weidenfeld and Nicolson, 317.
30. Frye R.N. 1984. *The history of Ancient Iran*. München, C.H. Beck, 411.
31. Henning W.B. 1953. A new Parthian inscription. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 3/4: 132–136.
32. Justi F. 1895. *Iranisches Namenbuch*. Marburg, N.G. Elwert, 526.
33. Maksymiuk K. 2018. Ram horns as sacral royal regalia of Šāpūr II. In: *Історія релігій в Україні*. Вип. 28. Львів, Логос: 17–29.
34. Mommsen Th. 1885. *Römische Geschichte*. Bd. 5. Die Provinzen von Caesar bis Diocletian. Berlin, Weidmann, 660.
35. Morony M.G. 2008. Should Sasanian Iran be included in Late Antiquity? *e-Sasanika*, 1. Available at: <https://www.sasanika.org/wp-content/uploads/e-sasanika1-Morony4.pdf> (accessed 28 July 2018).
36. Patterson L.E. 2017. Minority religions in the Sasanian Empire: Suppression, integration and relations with Rome. In: *Sasanian Persia: between Rome and the steppes of Eurasia*. Edinburgh, Edinburgh University Press: 190–191.
37. Payne R.E. 2015. A state of mixture. Christians, Zoroastrians, and Iranian political culture in Late Antiquity. Oakland (CA), University of California Press, 301.
38. Pourshariati P. 2008. *Decline and fall of the Sasanian Empire. The Sasanian-Parthian confederacy and the Arab conquest of Iran*. London; New York, I.B. Tauris, 537.
39. Pourshariati P. 2013. Introduction: further engaging the paradigm of Late Antiquity. *Journal of Persianate Studies*, 6 (1/2): 1–14.
40. Tafazzolī A. 1983. Ādurbād ī Mahrspandān. In: *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 1. Fasc. 5: 477.
41. Vanden Berghe L. 1983. *Reliefs rupestres de l’Iran ancien*. Bruxelles, Musées royaux d’art et d’histoire, 208.
42. Wiesehöfer J. 2001. *Ancient Persia from 550 BC to 650 AD*. London; New York, I.B. Tauris, 332.
43. Zaehner R.C. 1955. *Zurvan. A Zoroastrian dilemma*. Oxford, Clarendon Press, 495.